

Театръ и мораль.

«Чайка» Антона Чехова — оригинальнѣйшаго, талантливѣйшаго, наблюдательнѣйшаго и честнѣйшаго изъ русскихъ писателей — эпохи оскуденія и художества.

Пьеса — ошканивая одной публикой и штыкая «серьезнымъ» ушей у другой; обруганная одними критиками и критиканами — и обласканная другими.

Но мнѣніе первыхъ — скучно, безыдейно, фальшиво, безсодержательно вь съ «попугаи» на оригинальности; вторые нашли, что «публичка на дорожку» до «Чайки»...

Но просто говори — и ты, и другіе стали «в туннель» передъ этой «новостью», и почтениемъ и снисхождениемъ или автора комедіи и боязнь «дать мажу» и спростоволоситься въ оцѣнѣ ея достоинства и недостатковъ — усугубили этотъ «туннель».

А чортъ, молъ, ее читать — хорошо это, или нехорошо, умно — или глупо? Неровень часъ — опростоволохившись...

Будучи выпавшею и поставленною французскими или итальянскими — «Чайка» получила бы кличку «новой сцены» и «новой школы» въ драматической литературѣ. Поставленная и недурно исполненная въ Одессѣ — она, во первыхъ, собрала ничтожную горсть «интересующихся еще литературою» публики и, во вторыхъ, вызвала тотъ же «туннель», что и повсюду, и шумные апплодисменты по адресу всѣхъ исполнителей.

Все пришли смотреть «Чайку», подотрѣтые слухами о ей, и ждали «что нибудь особеннаго»... Ахъ, публика очень любить, чтобы ее стукнули березовымъ полѣномъ по головѣ, — а это то именно въ комедіи и не оказалось! «Что нибудь особеннаго» пьесы и заключается въ томъ, что въ ней нѣтъ «ничего особеннаго», въ смыслѣ «березоваго полѣна», удобоиспользнаго, общедоступнаго, сногшибательнаго и «нескучнаго», главное — «нескучнаго»...

Если бы авторъ «Вырожденія», Мавръ Нордау, видѣлъ «Чайку», — онъ, несомнѣнно, воскликнулъ бы: это лучшее изъ всего написаннаго для подмостковъ за послѣднюю четверть вѣка! — и назвалъ бы ее «новой словесью», способною создать «новую школу».

И, действительно: лучшей иллюстраціи къ теоріи автора «Вырожденія» — быть не можетъ; «Вырожденіе» — вотъ настоящее заглавіе «Чайки».

И вотъ почему публика «не весело» на ней: скучно смотреть и слушать «само себя», — ничего особеннаго!

И въ этомъ — вся прелесть, весь интересъ, большой интересъ, и весь «секретъ» пьесы вь томъ «туннелѣ», который ею вызванъ: скучно жить «скучны», «вырождающіеся» люди, художники, болельщики, безыдейные, изломанные! Скучное время —, не широкія задачи, а мелькая ошущенность и плюгавыхъ дѣлшекъ на почвѣ

анатомо-патологический изъясновъ! Скучна любовь—„блѣдная немочь“! Скученъ литераторь-беллетристъ—„съ записной книжечкой въ карманѣ“! Скученъ „педагогъ“—съ складомъ жалованія въ 23 рубля! Скучно въ деревнѣ—безъ „зоны природы“, дажно вырубленнаго и проданнаго на ближайшемъ базарѣ, безъ живого дѣла, съ одной надеждой—«вынернуться» и внести въ срокъ „недоимку“ куда сабдуется!...

Скучно жить безъ чего нибудь особеннаго, а создавать это „что нибудь особенное“—моченьки нѣтъ!

«Скучали» и исполнители «Чайки», ибо они больше чѣмъ кто-нибудь другой—любятъ «березовое поле» и жить безъ него не могутъ.

Не скучали лишь г. Леонидовъ, перемигавшій и нѣсколько «перенервничавшій» и безъ того достаточно нервного-калька «Костю»; г. Ронинъ, игравшій «какъ по Чехову», г. Киселевскій—«по Киселевскому», а г-жа Мерская, которая была бы еще лучше, если бы не перестаралась «манузжать» публику столь страшными «гримасами» въ послѣднемъ актѣ и мелодраматическими «шажками» въ послѣдней сценѣ.

Всѣ остальные—были «самими собой»—и это очень хорошо.

Стыдъ и срамъ для одесситовъ, если они, всѣ безъ исключенія, не заинтересуются «Чайкой» и не посмотрятъ «Вырожденіе» въ хорошемъ исполненіи, або для этого нужнѣе, чѣмъ кому-нибудь!

Не воспользоваться этимъ случаемъ—значить

признать свое «вырожденіе»... Докажите, что вы еще «не совсѣмъ больны» и не настоящія «дѣти» большого вѣка!

Мораль: Какія несообразно-скучныя вещи продолжаетъ и говорить этотъ глупый уродъ!—воскликнуло вырождающееся и изломанное современное общество, увидя свое отраженіе въ зеркалѣ и услыша себя въ фонографѣ. Онь, вѣроятно, немножко того?...

Н. Мосkvитъ.